

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ Ф. МИТТЕРАНА
В ПРЕСС-ЦЕНТРЕ МИД СССР

10 июля 1986 года

Миттеран. Дамы и господа, здравствуйте!

Эта пресс-конференция была предусмотрена и включена в программу моего визита в Советский Союз. Я не буду выступать с вступительным словом, ибо все знают, о чем идет речь. Думаю, что если я вам напомню о том, что происходило в течение этих трех дней, то я лишь повторю то, что вам уже известно. Поэтому лишь подчеркну, что эти три дня были заняты, главным образом, не только беседами с Генеральным секретарем ЦК КПСС господином М.С. Горбачевым, но и также с господином Громыко и господином Рыжковым. Французские министры встречались с соответствующими советскими министрами. Много времени было посвящено беседам, что позволяет мне ответить на ваши вопросы.

Корреспондент телекомпании Эй-Би-Си (США). За период менее недели Вы провели встречи с руководителями двух великих держав. Я хотел бы знать, каковы Ваши оценки встреч с Президентом Рейганом и господином Горбачевым? Каковы перспективы проведения советско-американской встречи на высшем уровне в этом году, и какие препятствия имеются на пути к ней?

Миттеран. Думаю, что к этой встрече стремятся обе стороны, такова психологическая и политическая реальность. И та и другая стороны, как я смог понять из бесед, которые я вел с господином Горбачевым, хотят встречи. Что касается препятствий, то сегодня еще рано говорить о том, состоится ли эта встреча и когда она состоится, но дипломаты напряженно работают в этом направлении.

Корреспондент журнала «Сабах аль-Хейр» (APE). Вы обсуждали с господином Горбачевым вопрос о положении на Ближнем Востоке. К какому выводу пришли обе стороны? Выступает ли еще Франция за прямые переговоры по ближневосточному урегулированию?

Миттеран. Вопрос задан весьма умело, хотя вы и знаете основное содержание ответа, поскольку упомянули о прямых переговорах и спросили, продолжаю ли я выступать за их проведение. Я уже по этому вопросу высказывался неоднократно, в частности после встреч с королем Иордании Хусейном, а также Ш. Пересом, в ходе поездки в Сирию и т. д. Я хотел бы, чтобы было продвижение в мирном процессе. То, что сейчас предпринимается, еще не обретает реальных очертаний, скорее, наоборот. Я действительно предпочел бы, чтобы это дело было урегулировано благодаря прямому контакту между сторонами. Но, судя по всему, эти попытки потерпели провал, несмотря на то, что они были предприняты.

Уже несколько месяцев назад, как известно французским журналистам, я высказывался в пользу заключения соглашений. Таких соглашений, которые учитывали бы и французские инициативы. Можно было бы назвать подобные соглашения соглашениями на основе форума, на основе конференции, то есть речь идет о договоренности не на основе каких-то трехдневных переговоров, а об итоге длительной работы в течение одного-двух лет. Франция хотела бы проведения международного форума. Но в какой форме и каким образом? Я уже высказался в пользу той или иной формы. Когда что-то предлагается, нельзя это сразу отвергать. Во всяком случае – это не позиция Франции. Я сказал, что было бы хорошо, если бы на первом этапе, по крайней мере, этих переговоров в них приняли участие постоянные члены Совета Безопасности ООН. Конечно же, речь шла пока о предложениях и только.

В лице господина Горбачева я встретил человека весьма ответственного, обладающего незаурядными личными качествами. Мы обсуждали эти вопросы, и ясность в них была большая, чем когда-либо. Может быть, аспекты обсуждения имели различия, но, как я понял, речь идет о том, чтобы обеспечить деятельность подготовительного комитета, который смог бы объединить в своем составе постоянных членов Совета Безопасности с тем, чтобы быть более уверенным в успехе. Чем лучше подготовка, тем лучше

результаты. Конференция и будущие форумы могли бы объединить и другие заинтересованные страны и организации.

Господин Горбачев говорил мне об инициативе, которая мне показалась достаточно ясной, достаточно четкой и сохраняющей открытый подход. Таков мой ответ на этот вопрос.

Корреспондент радиостанции «Франс интер» (Франция). Господин Президент, смогли Вы выявить с господином Горбачевым общие позиции в области разоружения? Полагаете ли Вы, что, исходя из достигнутого, можно будет проделать первый этап в области разоружения, в частности на Стокгольмской конференции?

Миттеран. Вы знаете, что не следует смешивать государственные визиты и изучение мнений каждой стороны с переговорами. Я прибыл сюда не для того, чтобы начинать переговоры. Элементы, которые я вынес из встреч, являются чрезвычайно интересными и весьма познавательными, дающими пищу для размышлений. Эта пища для размышлений у меня появилась в результате бесед с господином Горбачевым. Я должен все это тщательно взвесить и обсудить с соответствующими ответственными ведомствами, и вполне вероятно, что это может привести к каким-то конкретным предложениям.

Я сюда прибыл не для того, чтобы вести конкретные переговоры; мы получили пока лишь определенные наметки, ориентацию. Франция в высшей степени заинтересована в обсуждении вопросов разоружения. Эта тема не может оставить нас безучастными. Речь идет о форме участия, о том, с чего начать.

С каждой стороны идет практически лавина предложений, и, в частности, советская сторона, господин Горбачев, в последнее время выступили с весьма важными предложениями. Оценку им можно давать, какую хотите, но эти предложения существуют, идет ли речь о ядерном оружии, стратегических ядерных силах, ядерных системах средней дальности,

обычных видах оружия или об оружии химическом. Есть и другие области, в которых многое предстоит сделать. Я перечислил лишь основные.

Есть целый ряд моментов, проектов, связанных со стратегической оборонной инициативой. Одна сторона, в частности американская, заявляет, что она не намеревается пересматривать эту стратегию. Советская сторона отвечает: до тех пор, пока вы будете таким образом выражать свою волю, мы не сможем продвигаться вперед. Я сейчас высказываю лишь свое собственное мнение. Возможно, появится на каждом уровне возможность определить какие-то общие моменты, которые дипломаты могли бы по достоинству оценить и взвесить, определить их место между «нет» и «да». Есть обстоятельства, но есть и препятствия. Тем не менее эти препятствия не непреодолимы. Если эти препятствия крупные, то надо вести переговоры.

Что касается стратегических вооружений, то речь идет о сокращении на 30-50 % ядерных носителей. Что же касается стратегической оборонной инициативы, то я думаю, что и здесь не все еще ясно и решено. Вопросы эти чрезвычайно интересны, и Франция со вниманием следит за этим. Должен сказать, что господин Горбачев упоминал и о химическом оружии.

Франция не будет вести отдельных переговоров, но можно достигнуть каких-то договоренностей с Советским Союзом и вести с ним переговоры. Мы живем на одном континенте, и когда речь идет о ядерных силах, то у нас есть что сказать в этой области друг другу без посредников. Но мы не ведем каких-то отдельных переговоров по этому вопросу. Франция принадлежит к военному союзу НАТО, но даже если у нас будет оставаться полная автономия решений, то это не означает, что мы будем вести какие-то сепаратные переговоры. Следует также учитывать вопросы равновесия или, скорее, отсутствия равновесия в силах между двумя странами.

Позиция Франции состоит в том, что наша стратегия сдерживания основана на обладании ядерным оружием. Но это не препятствует нам высказывать свои мысли или проекты, касающиеся других видов оружия, в частности обычных видов вооружения и химического оружия. Нам

представляется напрасным пытаться значительно ограничить ядерные силы, если на нас будет давить отсутствие равновесия в области обычных вооружений в Европе. Но прогресс здесь должен быть. Необходимо произвести уточнения в различных областях, уметь согласовать общественное мнение с работой дипломатов и т. д. Мне думается, что разоружение с того момента, как проблемы СОИ будут уточнены между двумя основными партнерами, сможет идти по более расчищенному пути.

Корреспондент второй программы телевидения Франции. Господин Президент, Вы сообщили господину Горбачеву, что остаетесь открытыми перед лицом сегодняшних и будущих задач. В ходе Ваших переговоров с господином Горбачевым сложилось ли у Вас впечатление, что в области отношений между Востоком и Западом, которые сложны для европейцев и, в частности для французов, их развитие могло бы пойти по более конкретному, позитивному пути?

Миттеран. Вопрос в определенной степени психологический. Здесь надо проявлять большую, очень большую осторожность. Хотел бы сказать, что сегодня более чем когда-либо господин Горбачев представляется мне чрезвычайно современным человеком, человеком нашего времени, который подходит к проблемам в том виде, в каком они реально существуют в 1986 году. Он исходит из ситуации и определенных концептуальных взглядов на мир.

Мир в том виде, в котором он существует в 1986 году, рождает определенные мысли о будущем. В частности, можно отметить, что упор делается на возможности разрядки, на возможности возникновения войны, и это постоянно присутствует в мышлении, присутствует как константа, и это мне представляется весьма реальным моментом. Естественно, я не могу проникнуть в подсознание другого человека и не могу приписывать каких-либо мыслей другим; каждый отвечает за свои мысли сам.

Однако, по-моему, Советский Союз действительно понимает, что необходимо сосредоточить силы для того, чтобы преодолеть экономический

кризис, который каждый понимает по-своему. Есть также понимание того, что гонка вооружений наносит ущерб всем, в том числе и тем, от кого зависит ее ход. Главной целью переговоров является достижение успеха. Что касается оценки, то оценку должен давать он, а не я. Я ответил на Ваш вопрос.

Господин Горбачев представляется мне человеком нашего времени, который прекрасно понимает фундаментальные реальности, необходимость направить людские и экономические ресурсы на достижение результатов, которые содействовали бы повышению уровня всех, расцвету и развитию, а не иным целям. Его позиция никоим образом не на стороне вооружения.

Советский Союз вместе с тем – страна хорошо вооруженная, способная разработать самые сложные виды оружия. До тех пор, пока мы будем претерпевать сегодняшний период, это, очевидно, следует принимать во внимание.

Корреспондент журнала «Аль-Фикр аль-Араби» (Ливан). Господин Президент, поскольку Франция является средиземноморской страной, хотелось бы узнать, обсуждались ли с господином Горбачевым недавно выдвинутые Советским Союзом предложения о выводе иностранных военных флотов из Средиземного моря, поскольку накопление оружия, в т. ч. ядерного в районе Средиземного моря представляет опасность не только для стран Ближнего Востока, но и для Европы. Хотелось бы узнать Вашу позицию по этому вопросу. И второй вопрос: какова Ваша позиция относительно войны в Персидском заливе?

Миттеран. Что касается второго вопроса, то боюсь, что Вы заставляете меня повторить то, о чем я уже говорил неоднократно. Мы против войны в Персидском заливе.

Если Вы хотите знать, как мы намереваемся решать первый вопрос, моменты, связанные с ним, то речь идет, во-первых, о заинтересованности соответствующих стран, а во-вторых, о международном сообществе. Но, естественно, это касается и Франции – члена международного сообщества. Война в Персидском заливе – это лишь одно из двух-трех важных событий,

которые разворачиваются на международной арене. Что касается Средиземного моря, то этот вопрос не стоял в центре наших бесед с господином Горбачевым. Вопрос затрагивался в беседах министров иностранных дел, обсуждалась вся совокупность острых проблем, стоящих на международной арене. Господин Горбачев и я рассмотрели лишь отдельные вопросы из общей тематики. Мы вели переговоры в течение трех дней. Вы упомянули чрезвычайно важную проблему Средиземного моря, оно становится почти замкнутым морем, начиненным взрывчаткой.

Необходимо снизить напряженность, сделать все, чтобы разрядить ситуацию, т. к. в противном случае она может выйти из-под контроля. Вы абсолютно справедливо обратили внимание на этот вопрос, так как во всех состязаниях важно, кто первый начнет. Не будет достигнуто конкретного урегулирования по Ближнему Востоку, если не будет глобального обсуждения условий мира. Сейчас пока до этого времени мы все не дошли.

Корреспондент «Радио Франс интернасьональ» (Франция). Мой вопрос касается прав человека. Во вторник на приеме во французском посольстве Вы пожали руку одному из французских граждан, который вот уже 30 лет задерживается в Советском Союзе. Это вопрос о гражданах, которые задерживаются в Советском Союзе, но желают выехать. Обсуждался ли вопрос относительно предоставления им разрешения на выезд и в какие сроки. Сколько насчитывается таких людей? И второй вопрос, касающийся также прав человека. Когда Вы приняли госпожу Елену Боннэр в мае в Елисейском дворце, Вы сказали, что будете адвокатом Сахарова. Вы оптимист?

Миттеран. Принципы, которые исповедует Франция в области прав человека, слишком хорошо известны, чтобы вновь особо их подчеркивать. Можно все резюмировать в одной фразе: Франция искренне и горячо желает, чтобы лица или группы лиц, которые желают воспользоваться фундаментальным правом перемещаться, – и об этом я упоминал в своем выступлении на торжественном обеде в Кремле, – могли бы воспользоваться этим правом. И это право должно быть не просто признано. Люди должны

реально пользоваться им, если они этого желают, и это должно относиться ко всем тем, кто в силу тех или иных причин стремится выехать в другую страну и там обосноваться. Это относится и к тем, кто в силу тех или иных причин пожелал бы остаться или вынужден оставаться в своей стране. Это наш принцип.

Но при этом, конечно, не следует вдаваться в детальный анализ причин, которые побуждают ту или иную личность так поступать. Думаю, что не следует слишком часто, если к тому же в этом нет необходимости, вмешиваться в этот вопрос. Советские власти могли бы назвать это вопросом, относящимся к их национальному суверенитету, к области их внутренней компетенции, которая не имеет ничего общего с иностранцами, находящимися в их стране.

Но если признать за всеми право свободно переезжать через границу, тогда вступают в силу соответствующее законодательство и правила. Однако то и другое должно соотноситься таким образом, чтобы, когда требуется принятие решения, соответствующего отношениям между гражданами и властями, эти вопросы решались бы таким образом, чтобы люди могли все-таки перемещаться.

Мы всегда стремились к тому, чтобы этот общий принцип был хорошо известен и применялся на практике. Если перейти к конкретным случаям, то я мог бы сказать, что министр иностранных дел Франции обратил внимание и вполне конкретно на 20 случаев, касающихся советских граждан. В соответствии с действующими инструкциями и по согласованию, естественно, со мной, 400 имен попали в список, который на сегодняшний день уже находится в руках советских властей. Мы обсуждали этот вопрос. Он поднимался в ходе наших бесед. Мы выразили пожелание, чтобы советские власти сочли возможным дать положительный ответ Франции.

Что касается случая господина Сахарова и госпожи Елены Боннэр, то, как Вы помните и напомнили сейчас, я принял в своем кабинете в Елисейском дворце госпожу Елену Боннэр. Ее также принимали другие ответственные

руководители, в частности Премьер-министр, и этот жест сам по себе достаточен для того, чтобы подчеркнуть значение того призыва, с которым я обратился два года назад. Это также подчеркивает, что эта проблема пока, увы, не решена.

Каков же наилучший выход из положения, как решать наилучшим образом такую деликатную проблему? Вы можете тоже посоветовать. Дело в том, что решение этой проблемы требует осмысленного и избирательного подхода. Нельзя ее решать как бы «против шерсти».

Кроме того, есть еще более широкая сторона вопроса. Иногда мы получаем соответствующие просьбы о том, чтобы советские евреи могли выехать по своему желанию в ту или другую страну. Моя обязанность состоит в том, чтобы выразить мое уважение главным руководителям, и в том числе Генеральному секретарю, ответственному за определение советской политики, суверенитету Советского Союза, но в то же время и защитить те права, которыми я дорожу. Господин Горбачевставил в принципиальном плане эти вопросы. В первых же словах своего выступления на торжественном обеде он говорил об этой проблеме. Во всяком случае, я хотел бы вам просто сказать, что этот вопрос находится постоянно в центре внимания французов. Этот вопрос я буду ставить постоянно. Во всяком случае, насколько это необходимо, он является темой бесед.

Корреспондент чехословацкого радио. Как нам известно, на переговорах уделялось большое внимание вопросам европейской безопасности. Господин Президент, каково Ваше отношение к новым инициативам государств – участников Варшавского Договора, с которыми они выступили в Будапеште? Что может и что хочет предпринять Франция в деле разоружения в Европе?

Миттеран. Франция участвует в Стокгольмской конференции. Несмотря на то, что она не присутствовала на встрече в Будапеште, она, тем не менее, выступила одним из инициаторов соответствующих переговоров, что свидетельствует о ее интересе к этому вопросу. Вам также известно, что

Франция не пренебрегает своими партнерами, которых 34 в общеевропейском процессе, не пренебрегает и ближайшими друзьями в рамках европейского сообщества, своими союзниками в конце концов.

Вы знаете, что Франция начала диалог, я бы не сказал – на «привилегированной основе», но, во всяком случае, очень важный, фундаментальный диалог с Советским Союзом, и подготовка этих переговоров – вопрос, находящийся в центре внимания французской дипломатии. Поэтому мы в курсе пожеланий и намерений советской стороны, так же, как и советская сторона хорошо знает о намерениях и пожеланиях Франции. Я хотел бы сказать о предложениях в Будапеште, являющихся составной частью целой серии инициатив, которые нам представляются весьма интересными. Это в то же время, разумеется, не означает, что все, что предлагалось, принимается Францией как уже что-то утвержденное. Безусловно, мы за такие переговоры, мы за то, чтобы удалось достигнуть наилучшей договоренности между СССР и Францией, но в дискуссиях, естественно, надо будет доработать позиции.

Корреспондент агентства ДАН (Аргентина). Господин Миттеран, Вы говорили о новом protagonizme Европы, в то время как различные латиноамериканские страны с демократическими правительствами, как, например, в Аргентине, обремененные внешним долгом, не могут успешно развиваться. Народы этих стран, смотрящие с надеждой на роль, которую может сыграть Франция в ЕЭС, в этой важной экономической организации, чувствуют себя странами без будущего. Что Вы можете предпринять в этом отношении?

Миттеран. Это как раз та тема, которую мы затрагивали на вчерашнем обеде с господином Горбачевым. Но, с другой стороны, это также и тема, которой я занимаюсь постоянно уже многие месяцы, если не годы.

Франция занимает довольно своеобразную позицию, потому что она является страной-кредитором, причем кредитором крупным. Она предоставляет займы таким странам, как Бразилия, долг которой составляет

около 80 млрд. долларов. Все знают, что Франция предпринимает соответствующие инициативы для решения этого вопроса. Бремя задолженности может подавить даже начало процесса развития в этих странах. Многие из них не могут даже платить проценты с капитала. Все поступления от внешней торговли идут на это, что, однако, не ведет к уменьшению задолженности, хотя они производят и продают все больше и больше, добиваясь иногда выдающихся результатов во внешней торговле. Тем не менее они становятся все беднее. Это, безусловно, недопустимое положение вещей, недопустимое для трудящихся.

Естественно, у Франции имеются и свои трудности, связанные с этим вопросом. Франция хотела бы, чтобы был определен некий всемирный план, направленный на возрождение торговых обменов. Иными словами, чтобы были приняты соответствующие меры, которые бы позволили урегулировать вопрос о задолженности, потому что необходимо было бы в своих собственных интересах проявить понимание стран «третьего мира», во всяком случае, не приговаривать их к смерти, к разочарованию, к бедности, к обнищанию. Есть еще районы мира, где существуют серьезные кризисы и бедственное положение. Несмотря ни на что необходимо, чтобы долги были покрыты, чтобы это было предметом соглашений, а не результатом навязывания позиции кредиторов.

Во многих этих странах эта проблема рассматривалась действительно смело. Мы, со своей стороны, сделаем все необходимое для решения этого вопроса. Необходимо, чтобы можно было вздохнуть свободно, «взять разгон», развернуться. Это то, чего желает Франция. Она является промышленно развитой страной и кредитором. Это очень открытая к диалогу страна, особенно с «третьим миром», т. е. по отношению к странам, берущим кредиты. Мы предлагали целую серию мер в этом отношении, но Франция не может одна вести переговоры такого масштаба. Мы, конечно, будем участвовать в разработке такого всемирного плана. Для этого делается все необходимое.

Франция уже поднимала этот вопрос на встрече в верхах по торговым вопросам в Токио, обсуждала его с представителями стран «третьего мира», с неприсоединившимися странами, со странами АСЕАН и ОАЕ. То есть мы контактировали со всеми странами, которые входят в эту группу. Но, к сожалению, диалог, как таковой, пока не начат. Совершенно необходимо, чтобы руководители всех промышленно развитых стран в конце концов поняли, что существует эта приоритетная проблема, которая может быть столь же важна, как и проблема разоружения.

Корреспондент агентства НАН (Нигерия). Обсуждали ли Вы с господином Горбачевым вопрос о положении на Юге Африки? Каково отношение Франции к нынешнему режиму угнетения, к убийству беззащитных и невинных людей в ЮАР?

Миттеран. Думаю, если есть какая-либо область, где Франция постоянно выдвигала новые предложения, то это именно данная область. Могу вам сразу сказать, что Франция осуждает апарtheid. Мы стремимся к тому, чтобы правительство ЮАР рассмотрело этот вопрос по существу, поскольку оно не может сохранить в нынешнем виде свое законодательство, не может сохранить форму притеснений и репрессий без того, чтобы не оказаться перед лицом политических и экономических взрывов, которые отрицательно скажутся на всем населении Южной Африки. Но в первую очередь это выражится в том, что правительство полностью изолирует себя и станет объектом осуждения со стороны всего мира.

Имеются различные стороны в этом конфликте: есть этнические группы, есть политические партии. Каждый идет своим путем. Может быть, есть и какие-то другие причины этого кризиса. Но я думаю, что в любом случае апарtheid не должен сохраняться. И лучшим способом избавиться от него было бы решение этой проблемы самими южноафриканцами. Международное сообщество должно продемонстрировать свою решимость в том плане, чтобы такое положение вещей не сохранялось далее. Естественно, это имеет отношение к вопросам экономических санкций, которые совсем недавно

обсуждались в Европейском экономическом сообществе. Есть страны, которые высказываются против введения каких бы то ни было экономических санкций, и дело не в том, что они оправдывают апартеид, а просто они не считают эти санкции единственной мерой.

Франция осуждает апартеид, и она будет делать все, что считает нужным для того, чтобы добиться ликвидации этого явления.

Корреспондент газеты «Ас-Сафир» (Ливан). В беседах с господином Горбачевым Вы, видимо, не затрагивали детально вопрос о Ливане. Будет ли проблема Ливана «подключена» к какой-либо международной конференции?

Миттеран. Если будет проходить конференция по Ближнему Востоку, то думаю, что Ливан, безусловно, будет «подключен» к этой конференции. Если же забудут включить этот вопрос в повестку дня, то Франция напомнит об этом.

Корреспондент газеты «Правда». Господин Президент, в Берне после того, как США наложили вето на итоговый документ, представитель Франции охарактеризовал исход совещания как провал. Сейчас Советский Союз предлагает спасти итоговый документ бернского совещания, берет на себя обязательство выполнять его положения и предлагает это сделать другим странам. Каково отношение Франции к этому предложению?

Миттеран. Позиция Франции очень проста. Она всегда готова углубленно изучать различные предложения, стремясь выработать положительную ответную реакцию. Франция дает свое согласие только после того, как она четко определит свои позиции по обсуждаемому вопросу. Могу сказать, что Франция высказываетя за любую дискуссию, преследующую конструктивную цель. Об этом я уже говорил. Франция не пытается подменить собой тех, кто сидит за столом переговоров, но она совместно с союзниками разрабатывает некоторые совместные позиции по тем или иным вопросам. Это может относиться к Берну или к другим конференциям, но я не хотел бы вдаваться в частности. Такова общая установочная линия нашей политики.

Корреспондент телекомпании ТФ-1 (Франция). В ходе Ваших последних бесед с Михаилом Горбачевым сложилось ли у Вас впечатление, что Генеральный секретарь – это человек, высказывающийся за невоенное решение в Афганистане?

Второй вопрос в отношении терроризма. Будет ли разрабатываться проект соглашения между Францией и СССР по этому вопросу, как это указывалось различными источниками вчера в Москве?

Миттеран. Мы говорили об Афганистане вчера, в частности на переговорах делегаций. Мы рассматривали этот вопрос и в наших частных беседах с господином Горбачевым накануне.

При коллективном руководстве политика не определяется решением лишь одного человека, и я не могу вдаваться в механизм принятия решений советским руководством.

Но высказываясь о своих личных наблюдениях и впечатлениях от общения с советским руководителем, считаю нужным подчеркнуть его стремление к четкому изложению проблемы, что, несомненно, облегчало задачу французской делегации в обсуждении этого вопроса.

Что касается Афганистана, господин Горбачев желает по международным каналам, может быть, через ООН добиться успеха в тех переговорах, которые ведутся в рамках форумов и непосредственно между Афганистаном и Пакистаном. Это неоспоримо. Что касается перспектив, то я не в состоянии на это ответить. И если бы я об этом знал, то сегодня бы не сказал, потому что это зависит от столь многочисленных факторов, что я смог бы ввести в заблуждение международную прессу. Известно, что предполагает Франция, но она не в состоянии сказать, что эти предложения будут приняты заинтересованными государствами. Добиться мира – такова задача, но мир предполагает, конечно, осуществление свободного выбора афганцами, а также ряд гарантий, которые должны быть предоставлены всем заинтересованным сторонам. Мир там предполагает, конечно, вывод войск из этой страны. Не берусь высказываться о конкретной процедуре осуществления всего этого. Я

неоднократно касался этого вопроса с господином Пересом де Куэльяром, который, как вам известно, будучи заместителем Генерального секретаря ООН, дал наметки этому проекту. (*Перес де Куэльяр, Хавьер занимал пост заместителя Генерального секретаря ООН в 1979-1981 годах, с января 1982 по декабрь 1992 года был Генеральным секретарем ООН.*)

Теперь о терроризме. Совершенно верно, что мы обсудили этот вопрос с господином Горбачевым. Он сам вчера вновь коснулся этого вопроса. Будет ли особое соглашение между Францией и Советским Союзом? Нет, это касается всех стран, которые явились жертвами терроризма, или которым он угрожает, или которые сознают, что террор, насилие и смерть недопустимы. Да, конечно, Франция готова к этому, но здесь речь не идет о сепаратном контракте или соглашении по проблеме, которая имеет всеобъемлющий характер.

Корреспондент газеты «Либерасьон» (Франция). Господин Президент, Вы и господин Горбачев обсуждали в течение трех дней бесед идею Европы. Имели ли Вы в виду Западную Европу, Европу от Атлантики до Урала, или Европу между франко-польской границей?

Миттеран. Я думаю о «трех Европах», о трех одновременно. Однако когда думаешь о «трех Европах» одновременно, то следует учитывать обстоятельства, которые лежат в основе проблемы.

Что такое Европа? Для нас, французов, это, прежде всего, наши соседи. Пережив две мировые войны, будучи их непосредственными участниками, мы смогли потом восстановить отношения и укрепить дружбу с нашим основным противником – Германией. Одновременно вырисовывались контуры так называемого европейского сообщества. Это первый круг. Здесь могу повторить, что речь идет о том, что мы исходили из франко-немецкого примирения.

Второй круг имеет отношение к географической Европе – от Атлантики до Урала, к Европе исторической. Мы не хотели бы, и мы не желаем того, чтобы европейское сообщество было оторвано от ближайших стран, которые

приближены к ней в географическом отношении, а также от скандинавских стран, которые не принадлежат к сообществу. Могу также упомянуть Австрию и другие страны. Речь также правомерно вести о странах Восточной Европы, которые расположены, собственно, в центральной части континента.

Есть страны, которые объединены в рамках Организации Варшавского Договора, и мы не стремимся к тому, чтобы произошел разрыв с ними, несмотря на разный концептуальный подход, философию, экономические предпосылки. Мы не хотим, чтобы все эти различия разрушили понятие Европы. Наш континент имеет огромную историю и благодатные возможности.

Таковы три круга. Два первых круга – замкнутые. Здесь дела идут неплохо, хотя свои сложности есть.

В отношениях между Востоком и Западом наблюдается прогресс. Достаточен ли он? Наверное, нет. Его результаты могут быть лучшими. Может быть, они будут достигнуты не в ближайшее время, но тенденция к этому есть. Мы установили довольно плодотворные отношения с рядом стран, поддерживаем хорошие связи между ЕЭС и рядом других стран. Все это в конечном итоге направлено на благо всей Европы, т. к. Европа – это реальность и Европа – это мы.

Корреспондент австрийского радио и телевидения. Чернобыльская катастрофа – это европейская проблема, во всяком случае, она затрагивает Европу. Затрагивали ли Вы эту тему в беседах с господином Горбачевым? Получили ли Вы заверения относительно более подробного информирования в будущем в случае, если подобная авария повторится?

Миттеран. Тема Чернобыля затрагивалась. Ясно, что обе стороны понимают возможности развития ядерной мирной энергетики. Ядерная энергия будет использоваться и в дальнейшем, и будет, очевидно, создана соответствующая система информации и сотрудничества. Думаю, что эта необходимость признается всеми. Никто не может утверждать, что он полностью защищен от аварий подобного рода, поэтому необходимо создать

соответствующую систему. Что касается возможностей улучшить такую систему с использованием технических возможностей Франции, то здесь у нас есть определенные результаты, т. к. за последние 10 лет мы достигли немалых успехов, и Франция готова сотрудничать в деле улучшения любой системы безопасности ядерной энергетики

Корреспондент телевидения ЧССР. Господин Президент, могли бы Вы рассказать, при каких условиях была бы готова Франция в будущем ликвидировать свой ядерный потенциал? Что, по Вашему мнению, уже сейчас можно сделать на пути к прекращению гонки вооружений? Какие конкретные шаги уже теперь, по Вашему мнению, можно сделать?

Миттеран. Этот вопрос, очевидно, является приоритетным для тех стран, которые обладают наибольшим количеством ядерного оружия. Вы знаете, что Соединенные Штаты и Советский Союз в целом имеют около 10 тысяч ядерных зарядов. Эта проблема в первую очередь касается этих стран. За ними следуют Франция и Великобритания. Конечно, не следует недооценивать и ядерных вооружений Китая. Но их потенциалы значительно отличаются от потенциалов СССР и США.

Что же происходит? Ведутся переговоры. Очевидно, что необходимо сокращать вооружения после их стабилизации на каких-то уровнях. Но этого не происходит. Начиная с определенного момента Франция была бы готова положить конец существованию своих собственных вооружений, но настал ли этот момент? Нет. Франция не разоружится до тех пор, пока другие страны будут обладать такими видами вооружений, которые могут представлять потенциальную угрозу для нашей национальной независимости. Поэтому общее движение должно быть начато теми, кто обладает основной силой, а мы будем лишь следовать за ними.

Очевидно, следует подумать о частичном разоружении по тому или иному виду вооружений. Речь идет о возможностях вести переговоры о химической или другой области, если есть согласие. Уже в течение длительного времени ведется дискуссия по ракетам средней дальности в

Европе. Речь идет о носителях, о ракетах, которые имеют определенный радиус действия, т. е. об оружии, которое предназначено для применения в Европе или в Азии.

Определение это, естественно, произвольно. Те, против кого оно обращено, независимо от вида оружия, – идет ли речь о стратегическом оружии средней дальности или тактическом, – будут страдать от него в равной степени. Поэтому думаю, что речь идет о произвольном разграничении.

Нам представляется, что чрезвычайно важно обратить внимание на стратегическое оружие, которое нельзя отнести к оружию средней дальности, т. к. это оружие в основном транспортируется подводными лодками, а они свободно перемещаются по всем океанам. Таким образом, необходимо вести глобальные переговоры по стратегическим вооружениям и вести речь об одном и том же, т. е. обсуждать за столом переговоров одни и те же виды вооружений. Франция не принимает участия в Женевских переговорах, а Женева – это своего рода прототип для переговоров и в других местах. Франция в них не участвует и пока не собирается этого делать.

Возможно, вопрос о французских и английских ядерных силах требует более четкого концептуального подхода. Вряд ли было бы логичным, если бы две крупные державы приняли решение отказаться от ядерного оружия, а Франция и другие партнеры могли бы продолжать его иметь. Но ядерное оружие вообще нелогично. Значит, наверное, следует дать возможность крупным державам продолжить работу по обсуждению проблем ядерных вооружений, а Франция и Англия могли бы, возможно, подумать о замораживании. Но здесь должна быть тоже логика. В этом вопросе не следует играть в прятки. Мы абсолютно открыты для диалога. На Генеральной Ассамблее ООН я сообщил, при каких условиях Франция готова пойти на ликвидацию своего ядерного потенциала. Единственное, что я от имени Франции потребовал, – это положить конец существованию ядерного оружия во всем мире, так как оно является самой главной опасностью для человечества.

Кроме того, естественно, встает вопрос и об исследованиях. Франция – это страна, осуществляющая в основном стратегию сдерживания, направленную на то, чтобы иметь достаточно сил и не более того. Мы не намереваемся состязаться в области вооружений, а хотим получить соответствующие гарантии для своей независимости. Как только угроза исчезнет, вопрос будет стоять в ином ключе, но сейчас угроза существует. Франция, тем не менее, сохраняет готовность после того, как она увидит успех в переговорах двух основных партнеров, присоединиться к ним.

Корреспондент Чехословацкого телеграфного агентства. Вы, господин Президент, говорили с Президентом Рейганом и с Генеральным секретарем Горбачевым о судьбе и перспективах Договора ОСВ-2. Какое мнение высказала французская сторона?

Миттеран. Французская сторона выразила пожелание, чтобы существующие договоры, на какой бы стадии в плане дипломатической доработки они ни находились, – в частности я имею в виду ОСВ-2, – соблюдались, поскольку они преследуют цель разоружения. Иначе ведь можно пойти в сторону сверхвооружения. Но раз речь идет об этих договорах, то начинать нужно с того, чтобы не разрушать уже достигнутое.

Совершенно очевидно, что эта дискуссия не может оставаться только на дипломатическом уровне. Если те или иные страны будут стремиться к сверхвооружению, если они будут ставить под сомнение действующие договоры, то это они делают со ссылкой на то, что другие их будто бы не соблюдают. Я не утверждаю, но во всяком случае считаю, что по этому вопросу имеется недоверие, которое берет верх. А это может нанести ущерб судьбе мира в целом. Поэтому Франция высказывает за соблюдение существующих договоров, в частности, Договора ОСВ-2 и Договора по ПРО. Такова позиция Франции по этому конкретному вопросу.

Корреспондент газеты «Ас-Сафир» (Ливан). Господин Президент, в ходе обсуждения вопроса о Ближнем Востоке не создалось ли у Вас

впечатления, что Советский Союз готов восстановить свои дипломатические отношения с Израилем?

Миттеран. У меня сложилось впечатление, что Советский Союз занимает открытую позицию в целях достижения глобального урегулирования конкретных проблем, которые возникают в каждом регионе – Среднего ли или Ближнего Востока.

Корреспондент «Литературной газеты». Господин Президент, мой вопрос связан с перспективами развития культурных отношений между двумя нашими странами, который интересует и советскую общественность. Хотелось бы узнать о судьбе дома Виардо и И.С. Тургенева в Бужевале. Хотелось бы узнать, как будут развиваться советско-французские культурные связи в дальнейшем?

Миттеран. Я знаю, о чем Вы говорите. Я помню о том, что Тургенев жил во Франции в том месте, которое Вы упомянули. Это – часть нашей памяти. Но должен, к своему стыду, признать, что я совершенно не знаю, каков статус этого музея в настоящий момент. Может быть, министр иностранных дел лучше знает этот вопрос, но меня бы очень удивило, если бы Франция стремилась снести этот дом бульдозером, я имею в виду музей Тургенева. Может быть, были какие-то проблемы другого порядка: финансовые или какие-то другие. Давайте не рассматривать вопрос априори. Я постараюсь использовать свои возможности для того, чтобы сохранить память о Тургеневе во Франции.

Корреспондент агентства ПАП (Польша). Господин Президент, Вы говорили о европейском сотрудничестве от Атлантики до Урала, о необходимости укрепить это сотрудничество. В последние годы между Францией и Польшей отношения складывались не совсем удачно. Сейчас положение в Польше стабилизируется, и она все более уверенно занимает свое место на международной арене. Каковы перспективы улучшения отношений между Польшей и Францией?

Миттеран. Нет народа, который был бы ближе к французскому народу по духу, чем польский народ. Если же говорить об экономическом и социальном положении в Польше, то если здесь отмечается улучшение, то я могу этому лишь радоваться. Необходимо, чтобы эти факторы позволили польскому народу жить лучше с каждым днем. Что же касается значительного улучшения в области обмена между Польшей и Францией, то, очевидно, для этого политические, экономические условия последних лет недостаточно изменились, по меньшей мере, по мнению Франции. Мы отнюдь не намереваемся ставить Польшу в какое-то особое положение в сравнении с другими странами или, скажем, наказывать ее за что-то. Существует целый ряд областей, в которых Франция сотрудничает с Польшей, утверждая тем самым свое присутствие. Однако, я повторяю, на этот вопрос должен быть дан политический ответ, и обе стороны должны сделать соответствующие шаги.

Мы испытываем традиционные дружественные чувства к Польше, у нас много в Польше старых друзей, и мы стремимся их поддерживать, не подменяя собой польские власти.

А сейчас, если вы позволите, я хотел бы завершить нашу работу. Я позволю себе высказать некоторые соображения.

Во-первых, о пребывании французской делегации в Москве. Я уже посетил Москву два года назад, затем принимал господина Горбачева в Париже. Мы уже в то время отметили значительный прогресс во взаимопонимании и стремление постоянно продвигаться по пути улучшения наших двусторонних отношений, а также искать лучшие подходы к международным проблемам. Есть много возможностей для развития двусторонних отношений. От встречи к встрече мы видим, как утверждается прогресс, значительный и последовательный, и я не хотел бы, чтобы эта пресс-конференция закончилась без того, чтобы мне не была предоставлена возможность поблагодарить советские власти и господина Генерального секретаря М.С. Горбачева за прием, который был оказан нам, а следовательно, и Франции. Для нас, для меня лично в этом заключены немалые надежды.

Все, что говорилось, говорилось по существу и прямо. Мы союзники наших союзников, мы не одинокие странники, занимающиеся рассмотрением вопроса равновесия в мире. Мы привержены нашей самобытности и учитываем тот факт, что мы находимся в Европе. У нас конкретный исторический опыт связей с Россией прошлого и с Советским Союзом. Этот опыт насчитывает многие века и составляет канву истории. Мы считаем, что мы должны вписываться в традиции активных отношений. С одной стороны, речь идет о солидарности с нашими союзниками, а с другой – о самобытности в автономных шагах Франции, если эти шаги соответствуют тем интересам, которые мы имеем.

Мы удовлетворены встречей в Москве и выражаем слова благодарности за гостеприимство и внимание, оказанные нам, а также за чрезвычайно углубленный характер бесед. Именно это, по нашему мнению, знаменует перспективы и позволяет нам надеяться, что от года к году мы сможем углублять и расширять с Советским Союзом не только взаимопонимание, но и сотрудничество. После поездки в Москву международная политика Франции останется неизменной. Мы не изменили поля на международной шахматной доске, но игра может разворачиваться по-разному, и все зависит от вдохновения тех, кто руководит королем, пешкой или королевой. Наша дипломатия, наша политика получили определенное вдохновение от того, как Франция в моем лице была принята в Советском Союзе.

Благодарю вас за внимание.